

MANFRED MAYRHOFER, *Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen*. Unter Mitarbeit von János Harmatta, Walther Hinz, Rüdiger Schmitt und Jutta Seifert. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1973 (Veröffentlichungen der Iranischen Kommission hrsg. von M. Mayrhofer, Bd I), 358 стр.

Рецензируемая работа представляет первый том в серии публикаций Иранской комиссии Австрийской академии наук. Эта комиссия была создана в 1969 г. — первоначально как комиссия по подготовке нового словаря иранских имен, призванного заменить собою очень важный, но уже устаревший ономастикон Ф. Юси («Iranisches Namenbuch», Marburg, 1895), а затем, в 1972 г., в связи с расширением круга иранистических работ была преобразована в Иранскую комиссию — единственное научное учреждение Австрии, специально занимающееся иранистикой. Подготовка сводного словаря иранских имен (Iranisches Namenbuch) по-прежнему остается основной задачей Иранской комиссии, и сама рецензируемая книга рассматривается как один из этапов этой большой и сложной работы. Этой же задаче предпочтается посвятить ряд последующих изданий, запланированных Иранской комиссией¹. Руководитель Комиссии и автор рецензируемой работы — профессор Венского университета Манфред Майrhofer, известный специалист в области индоевропейского, главным образом индоиранского языкознания, редактор лингвистического журнала «Die Sprache» (Вена), автор древнеиндийского этимологического словаря², грамматических руководств

¹ Среди них издания, посвященные иранским именам в греческой литературе до Александра Македонского (R. Schmitt) и в надписях Малой Азии (R. Zwanziger). Имеется в виду также подготовить впоследствии — при участии ряда специалистов — отдельные выпуски, посвященные именам согдийским, хотаносакским, осетинским и т. д. См. M. Mayrhofer, Über Notwendigkeit und Problematik eines neuen iranischen Namenbuches (Separatum из «Disputationes ad montium vocabule aliorumque nominum significationes pertinentes»). 10. Internationaler Kongress für Namenforschung, s. 1., s. a.).

² M. Mayrhofer, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, I.ief. 1—24, Heidelberg, 1953—1972 (издание продолжается).

по санскриту³ и древнеперсидскому (в соавторстве с В. Бранденштейном) языку⁴, а также ряда других трудов. В рецензируемой работе приняли участие известные иранисты — Я. Харматта и В. Хинц, а также молодой, весьма интенсивно работающий в области древнеиранской ономастики индоевропеист и иранист Р. Шмитт, автор ряда исследований по этой тематике. Обратный индекс составлен Ю. Зейферт, сотрудницей автора в процессе подготовки и издания книги.

Созданная трудами М. Майрхофера и его соавторов книга представляет первую полную сводку и исследование всех имен собственных, содержащихся в знаменитых эламских административно-хозяйственных документах (509—458 гг. до н. э.) из древнего Персеполя, изданных к моменту публикации рецензируемой работы⁵. Открытие и публикация этих документов, раскрывающих перед исследователями картину повседневной жизни древней столицы Ахеменидской державы и привлекающих пристальное внимание историков и историков культуры древнего Востока⁶, имеет первостепенное значение и для иранистики, для древнеиранского языкознания. Достаточно сказать, что в них содержится значительное число иранских титулов и многие сотни иранских имен собственных, не засвидетельствованных в памятниках древнеиранской письменности. Около 1700 древнеиранских имен, большинство которых еще несколько лет тому назад были неизвестны, — это такой единовременный прирост наших знаний в области иранской ономастики, какого еще не знала история иранистики. Притом, если в древнеперсидских надписях мы встречаем только имена высокопоставленных лиц (царей и крупных военачальников), то в эламских табличках засвидетельствованы многочисленные имена собственные, принадлежавшие рабочему люду, писцам, солдатам, низшим офицерам, женщинам и т. п. Значимость этого материала для иранистики станет еще ясней, если вспомнить, что в силу специфики авестийских текстов и древнеперсидских надписей лексика их довольно ограничена и однообразна, и таким образом анализ древнеиранской ономастики играет весьма важную роль в пополнении наших знаний о древнеиранской лексике в целом. Значение иранского ономастического материала, содержащегося в эламских табличках из Персеполя, было по достоинству оценено такими выдающимися иранистами, как Э. Бенвенист, И. Гершевич, В. Хинц, Р. Шмитт, посвятившими анализу этого материала ряд важных работ⁷. Исследованию этого материала в тесной связи с общими проблемами древнеиранской ономастики и подготовки словаря иранских имен посвятил также ряд своих статей и докладов автор рецензируемой книги⁸.

В книге рассматривается около 1900 имен. Примерно 150 из них определяются как эламские; эламские имена имеются, вероятно, и среди неразъясненных, так что общее их число составляет, по мнению автора, около 200, т. е. свыше $\frac{1}{10}$ всех имен собственных (стр. 340)⁹. Лишь единичные имена определяются как аккадские и прочие

³ М. Маурхофер, *Sanskrit-Grammatik*, В., 1965 (1 изд. — 1953).

⁴ В. Бранденштейн и М. Маурхофер, *Handbuch des Altpersischen*, Wiesbaden, 1964.

⁵ G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets*, Chicago, 1948 (в этом издании опубликовано 114 табличек, охватывающих период с 492 по 458 г. до н. э.); R. T. Hallock, *Persepolis Fortification Tablets*, Chicago, 1969 (здесь опубликовано 2087 табличек, охватывающих период с 509 по 494 г. до н. э.). К исследованию привлечены также имена собственные из неизданных еще текстов, известные по предварительным сообщениям Р. Халлока, приведенным в работах И. Гершевича (Gerschevitch).

⁶ Из последних обзоров см. М. А. Дандамаяв, *Новые документы царского хозяйства в Иране (509—494 гг. до н. э.)* (Обзор текстов, изданных Р. Т. Халлоком), ВДИ, 1972, № 1, стр. 3—27.

⁷ Подробнейшая, по-видимому, исчерпывающая библиография вопроса содержится в рецензируемой книге (стр. 7—9, 119—120).

⁸ См., например, М. Маурхофер, *Aus der Namenwelt Alt-Irans. Die zentrale Rolle der Namenforschung in der Linguistik des Alt-Iranischen*, Innsbruck, 1971 (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Vorträge, 3); *Alltagsleben und Verwaltung in Persepolis. Linguistisch-onomastische Aufgaben aus neuerschlossenen Profantexten*, Wien, 1973 (Sonderabdruck aus dem Anzeiger der Phil.-hist. Kl. der österreich. Akad. der Wiss., 109. Jg., 1972, So. 8) и другие работы. См. также прим. 1.

⁹ Здесь и далее ссылки в тексте на страницы рецензируемой книги.

(стр. 310—311)¹⁰, все же остальные, т. е. примерно 1700 имен, являются именами иранскими, и их исследование составляет основную задачу рецензируемой работы (стр. 12).

Первая трудность, с которой сталкивается исследователь этого материала, заключается в том, что все эти имена предстают перед ним в оболочке эламской клинописи, само чтение которой ставит многочисленные проблемы и вызывает споры между специалистами. При этом следует учитывать, что фонетические системы древнеперсидского и эламского языков глубоко различны, и вопрос о том, какое иранское звучание скрывается за тем или иным слоговым знаком эламско-ахеменидского письма (письма к тому же исторического), решается далеко не однозначно. Задачами исследования и характером материала определяется структура рецензируемой книги, которая состоит из Введения (источники, замысел и план исследования, проблемы транскрипции) и двух основных частей: I. Vorklärung (стр. 15—118) и II. Onomastik (стр. 119—317). Из сказанного выше уже ясно, что, прежде чем перейти к анализу имен собственных, автору необходимо было установить по возможности систему соответствий между иранскими звучаниями и знаками эламско-ахеменидского письма¹¹. Соответственно вся первая часть книги посвящена проблемам графики и транслитерации. Эта часть начинается с раздела об эламских графемах (группах графем) и их древнеперсидских соответствиях (с попыткой фонетической интерпретации графем), при этом каждое такое соответствие иллюстрируется лексическим материалом. Если, скажем, эламской графеме *-da-* могут соответствовать знаки *-d-* [*-da-*], *-t-* [*-ta-*], *-t-a-* [*-ta-*] древнеперсидской клинописи, то под соответствующими параграфами, читатель находит эламско-древнеперсидские сопоставления, на основе которых данные соответствия выведены: элам. *Mi-in-da-par-na* = др. перс. *Vi-i-d-f-r-n-a*; элам. *Sa-da-ku* = др. перс. *θ-t-gu-u-š*; элам. *Mi-iš-da-aš-ba* = др. перс. *Vi-i-š-t-a-s-p* и т. д. (стр. 19—20). Этот раздел (2, стр. 15—62), основанный на анализе материала параллельных (древнеперсидской и эламской) версий ахеменидских надписей, дополнен аналогичным разделом (4.2, стр. 92—94), основанным на эламской передаче имен нарицательных и имен божеств, хотя и не зафиксированных в древнеперсидском, но несомненно иранских (4.1, стр. 90—92). Ср., например, элам. *da-sa-bat-ti-iš* = др. перс. **daθa-patiš* «декурион»; элам. *sa-da-bat-ti-iš* (*sa-ad-da*^o) = др. перс. **θata-patiš* «центурион»; элам. *kan-za-bar-ra, kan-da-bar-ra* = др. перс. **ganza-bara* «казначей»; элам. *Mi-iš-ša* = др. перс. **Miça-* (засвидетельствовано в древнеперсидском только в формах *M¹θta-*, *M¹tra-*)¹². Обратные таблицы (от иранских графем и фонем к знакам эламской клинописи), учитывающие все выводы разделов 2 и 4.2, позволяют найти эламские соответствия древнеперсидским графемам и фонемам, отталкиваясь от иранского материала (раздел 3, стр. 63—89). В разделе 5 (стр. 95—106) сделана попытка разложить приведенные в разделах 2 и 4.2 древнеиранские группы фонем на отдельные фонемы и соотнести последние с эламскими графемами (по принятой в рецензируемой книге терминологии, графемы — как единицы, аналогичные фонемам — отделяются от клинописных знаков). Такая сводка имеет значение и как регистр древнеиранских фонем (групп фонем), отраженных в эламской передаче. Раздел 6 (стр. 107—116) посвящен отдельным вопросам эламской графики (параграфы 6.2.2 и 6.4 этого раздела написаны Я. Харматтой), раздел 7 (стр. 117—118) — некоторым морфологическим вопросам, связанным с отражением в эламском тексте флективного исхода древнеперсидских слов. Заканчивая разбор первой части рецензируемой книги, можно сказать, что она не только является необходимой предпосылкой последующего ономастического исследования, но и послужит весьма полез-

¹⁰ Возможность отнесения тех или иных неразъясненных имен к именам египетским, индийским и малоазийским остается под вопросом.

¹¹ Посвященная данному вопросу работа Пэйпера (H. N. P a r e r, *The Phonology and Morphology of Royal Achaemenid Elamite*, Ann Arbor, 1955) не удовлетворила автора рецензируемой книги (стр. 12), и вся эта проблематика пересмотрена в книге заново.

¹² Из большого числа предположительно иранских имен нарицательных и имен божеств, засвидетельствованных в эламской передаче, в этом разделе приводятся лишь те, иранское происхождение которых не вызывает сомнений.

ным инструментом для будущих работ, опирающихся на сопоставление древнеперсидского и эламского материала.

Вторая — собственно ономастическая — часть работы открывается глоссарием, состоящим из 1892 словарных статей и содержащим все имена собственные, зафиксированные в изданных персепольских таблетках и в эламских версиях ахеменидских надписей (раздел 8, стр. 119—258). Преобладающее большинство словарных статей построено следующим образом: в заголовок статьи выносятся нормализованная транскрипция имени, затем следуют силлабическая транслитерация, отражающая эламское написание, ссылка на источник, этимологический анализ с тщательным указанием на все работы, где данное имя уже рассматривалось, и — во многих случаях — с критическими замечаниями относительно предложенных толкований. Не могла быть представлена силлабическая транслитерация тех имен, которые не вошли в издание Халлока и известны пока только по его транскрипциям, приведенным в работах Гершевича (см. выше, прим. 5). Следует, по-видимому, согласиться с доводами автора (стр. 12—14), считающего, что лингвистическая интерпретация иранской ономастики, основанная только на транскрипции (без транслитерации), может порождать в ряде случаев недостоверные толкования. Сам автор при отсутствии транслитерации воздерживается, как правило, от попыток собственной этимологии, ограничиваясь приведением уже высказанных мнений или отсылками к работам, в которых данное имя уже рассматривалось. Во многих случаях такие отсылки сопровождаются критическими репликами или же вопросительными знаками, указывающими на сомнения автора в правильности ранее предложенных толкований. Тщательная систематизация всего материала, установление соответствий между иранскими звучаниями и знаками эламской клинописи, а также составленный на основе глоссария обратный индекс имен позволили автору предложить в ряде случаев новые этимологии и сопоставления. Ср., например, *An-pi-g-da-u-iš* (др. перс. **nam-bīta-vauš* «обладающий собранным добром»), *va-ku-be-ša* (др. перс. **va-ga-pajša* «украшение бога»), *Maumastiš* [др. перс. **Vau(v)-asti* «обладающий добрым гостем (товарищем)»] и т. д. или такие сопоставления как *va-ka-ša-ak-ka* и *Βαχσακίης* (Геродот), *Maš-ka-ma* и *Μασηκιης* (Геродот) и т. п. Некоторая часть материала допускает, вероятно, толкования, отличные от приведенных в рецензируемой книге, однако каждое такое толкование потребовало бы развернутой аргументации, для которой нет места в настоящей рецензии. Возможно, это удастся сделать в другом месте.

За глоссарием и обратным индексом имен (стр. 259—275) следуют два раздела, посвященные основным результатам, полученным в ходе исследования нового ономастического материала, — раздел 10 (стр. 277—278), дополняющий наши представления о графической передаче древнеиранских звуков (групп звуков) в эламском, и раздел 11 (стр. 279—317), содержащий выводы лингвистического и культурно-исторического характера. В лингвистических параграфах последнего (11.1—5) рассматриваются типология имен (различные типы композитов, особенности женских имен, использование этнонимов и топонимов как имен собственных, различные типы сокращенных имен, патронимы, имена ласкательные и т. п.), вопросы диалектологии, морфологии, диакронических слоев иранской ономастики, а также имена неиранские. Среди чиновников, офицеров, солдат, торговцев и рабочих, имена которых зафиксированы персепольскими таблетками, были, разумеется, представители самых разных областей многоязычной ахеменидской державы. Как уже отмечалось выше, среди имен неиранских основную часть составляют эламские, и в рецензируемой книге сделана попытка найти критерии для их выделения (стр. 304 сл.). И. Гершевичу принадлежит установление того факта, что ономастика Персеполя была по преимуществу иранской (а не эламской, как это предполагалось ранее), и рецензируемое исследование полностью подтверждает и уточняет этот вывод (примерно 1700 иранских имен против 150—200 эламских), имеющий немаловажное значение для суждения об этническом составе ахеменидской столицы.

Иранские имена персепольских таблеток принадлежали, по-видимому, не только персам, но и представителям других ираноязычных народностей, носителям различ-

ных древнеиранских языков и диалектов (в документах упоминаются, в частности, мидяне, согдийцы, бактрийцы). Поэтому редкие случаи различной передачи в эламских таблетках этимологически тождественных иранских имен дают основание думать, что эти графические различия отражают различия языковые (диалектные). Ономастика персепольских таблеток содержит новый материал для решения вопроса о (древне)-персидско-мидийских языковых дифференциях — вопроса, имеющего первостепенное значение для сравнительно-исторического иранского языкознания и вызвавшего в последние годы оживленную полемику¹³. Как и в предыдущих своих работах, М. Майрхофер считает несомненным (стр. 298 сл.), что в зафиксированных именах отражается дифференция между древнеперсидским и мидийским языками. Выделяются в этом разделе также некоторые написания имен, отражающие, по мнению автора, фонетическое развитие, не свойственное ни древнеперсидскому, ни мидийскому языкам. Высказывается, в частности, мнение (стр. 304), что имена, в написании которых вместо ожидаемого **[r]* встречается графема *l*, отражают некий древнеиранский I-диалект. Наряду с признаками диалектных различий (стр. 298—304) в исследуемых именах выделяются также признаки различий диахронического характера (стр. 312—313). Хотя все таблетки относятся к периоду с 509 до 458 гг. до н. э. и охватывают таким образом всего столетие, зафиксированные ими имена собственные позволяют автору выделить в них по фонетическим признакам диахронические пласты: до-древнеперсидский, древнеперсидский, а также пласт с признаками *post*-древнеперсидскими. Действительно, в некоторых именах собственных, как и в топонимах, наблюдаются фонетические сдвиги (падение конечного *-a*, переходы *-θ^l- > -hr-*, *-rn- > -gr-*, стяжение *iūā- > -ā-* и т. п.), характеризующие последующий (среднеперсидский) этап развития персидского языка. Ср., например, *Har-ti-pir-tan* (др. перс. **Āriya-brdāna-*), *Mi-iš-ba-ik* (др. перс. **Viṣpaka-*), *Ir-tam* (др. перс. **Viāma-*), *Zi-ut-ra-me-sa-na* (др. ир. **Ciθra-maiθana-*) и *Zi-ra-me-sa-na* (др. ир. **Ciθra^o*), *Si-ya-ti-par-da-tan-na* (др. ир. **Siyāti^o*) и *Sa-ti-par-tan-^ona¹* (др. ир. **Sāti^o*) и т. д. Ср. также топоним, представляющий в параллельных написаниях *Par-na-ma-ti-iš* (**Farnahvati-*) и *Par-ṛak-ma-ti-iš* (**Farraxvati-*), второе из которых отражает уже производное, характерное для среднеперсидского (*farr^o*). При учете всех этих фактов следует, разумеется, иметь в виду, что эти различия, представляющиеся нам два с половиной тысячелетия спустя как различия диалектного или диахронического характера, могут в действительности в значительной степени объясняться синхронно сосуществовавшими в одной и той же языковой среде производительными вариантами, колебаниями в произношении, находившими то или иное отражение в эламском письме¹⁴.

Исследование имен собственных персепольских таблеток дает возможность сделать ряд выводов относительно истории культуры и религии Ахеменидского Ирана (§ 11.6, стр. 314—317). Систематизированный в этом параграфе материал указывает на широкое распространение теофорных *bagā*-имен, а также теофорных имен, связанных с почитанием Митры, обожествленного огня (**At^o*-), солнца [**(H)uvar-*], хаомы (**Ha^o* *uša-*), звезды *Tir*, божественного порядка (**Ṛta-*), земного благоденствия (др. перс. *šiyāti-*) и т. д. Подкрепляя и дополняя наши представления о древнеперсидской религии, персепольская ономастика ставит в то же время ряд сложных проблем, в частности, заставляет вновь обратиться к спорному вопросу об отношении религии Ахеменидского Ирана к авестийскому зороастризму. Откажываясь от категорических высказываний по этому вопросу, автор, однако, отмечает (вслед за Гершевичем и вопреки Бенвенисту) такой важный факт, как наличие в персепольской ономастике имен, экви-

¹³ См. главным образом I. G e r s h e v i t c h, *Dialect Variation in Early Persian*, «Transactions of the Philological Society», 1964 (1965), стр. 4—29; M. M a y r h o f e r, *Die Rekonstruktion des Medischen*, Wien, 1968 (Sonderabdruck aus dem Anzeiger der Phil.-hist. Kl. der Oesterreich. Akad. der Wiss., Jg 1968, So. 1). Ср. также В. И. А б а е в, О перекрестных изоглоссах, в кн.: «Этимология 1966», М., 1968, стр. 250—255 («„Мидийские“ элементы в персидском»).

¹⁴ Как, впрочем, и в самой, неустоявшейся еще древнеперсидской клинописи. На этом явлении, отражающем — в синхронии — тенденции исторического развития, рецензент предполагает остановиться в специальной лингвистической статье.

валентных авестийским: Ma-u-gu-za (др. перс. *Va(h)u-rauçal-, ав. Vohu-raošan-) и т. п. (стр. 315). Надежно этимологизируемые не-теофорные имена отражают, как пишет автор, преимущественно «культурные идеалы военной аристократии»: владение конем (aspa-, asa-) и боевой колесницей (gaða-), коньем (aršti-) и щитом (*spāra-), воинская доблесть (taxma-) и отношение к войску (kāra-, spāda-) и т. п. Как справедливо отмечается (стр. 316), такие имена составляют, по-видимому, лишь часть персепольского ономастикона; остальная его часть, не поддающаяся пока, по мнению автора, надежному истолкованию¹⁵, должна еще стать предметом дальнейшего обсуждения.

Тщательнейшим образом подготовленные регистры имен древне-, средне- и ново-иранских, иранских имен в аккадской, греческой, латинской, арамейской и египетской передаче, армянских имен иранского происхождения, а также иранских имен нарицательных составлены с расчетом на дальнейшее их использование при подготовке будущего сводного словаря иранских имен, ономастиконов соседних языков, а также этимологических словарей отдельных иранских языков.

Быстрота и тщательность, с которой важнейший историко-культурный и языковой материал был проанализирован, систематизирован и введен в научный оборот, безусловно будут по достоинству оценены всеми иранистами, индоевропеистами, специалистами по истории и истории культуры древнего Востока.

Разумеется, персепольская ономастика станет предметом еще многих исследований, и, вероятно, многие предложенные в книге толкования еще не раз будут пересмотрены и дополнены (особенно, если иметь в виду, что еще далеко не весь материал опубликован). Можно, однако, не сомневаться, что рецензируемая книга надолго сохранит свое значение как важнейший источник наших сведений по ономастике древнего Ирана, и к ней с благодарностью будут обращаться представители самых различных дисциплин, изучающих историю, историю культуры, религии и языков древнего Востока.

И. М. Оранский

¹⁵ Здесь, как и в других местах рецензируемой книги, содержится полемика с И. Гершевичем, многие этимологии которого, как и нарисованная на их основании культурно-историческая картина жизни Персеполя, представляются автору недостаточно достоверными.